

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ К РЕАЛИЯМ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЖИЗНИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР)

Айляров Марат Аланович

аспирант, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова,
г. Владикавказ
maratailyrov@mail.ru

PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION OF DISABLED VETERANS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR TO THE REALITIES OF POST-WAR LIFE (BASED ON THE MATERIALS OF THE NORTH OSSETIAN ASSR)

M. Ailyarov

Summary: The paper is devoted to the study of several problems associated with the process of adaptation of disabled veterans of the Great Patriotic War to peaceful life in North Ossetia during the period of "late Stalinism". This issue is considered in the context of the socio-political agenda of the first post-war years. The nature and compliance of state propaganda with the realities of everyday life of disabled veterans is analyzed. The paper is written based on a wide range of sources: office documentation of party and Soviet bodies of the North Ossetian ASSR, materials of regional periodicals, and personal documents, which are being introduced into scientific circulation for the first time. The work shows that despite the important social and ideological significance, the process of returning disabled veterans to peaceful life was accompanied by numerous difficulties for them.

Keywords: society, politics, everyday life, problems, adaptation, North Ossetian ASSR, disabled veterans of the Great Patriotic War.

Аннотация: Статья посвящена изучению ряда проблем, связанных с процессом адаптации инвалидов Великой Отечественной войны к мирной жизни на территории Северной Осетии в период «позднего сталинизма». Данный вопрос рассматривается в контексте общественно-политической повестки первых послевоенных лет. Анализируется характер и соответствие государственной пропаганды реалиям повседневной жизни инвалидов войны. Статья написана на основе широкого круга источников: впервые вводимой в научный оборот делопроизводственной документации партийных и советских органов Северо-Осетинской АССР, материалов районной периодики, документов личного происхождения. В работе показано, что несмотря на важное социальное и идеологическое значение, процесс возвращения инвалидов войны к мирной жизни сопровождался для них многочисленными трудностями.

Ключевые слова: общество, политика, повседневность, проблемы, адаптация, Северо-Осетинская АССР, инвалиды Великой Отечественной войны.

Победа в Великой Отечественной войне ознаменовала начало нового этапа в развитии советского общества. В послевоенный мир страна Советов вошла в статусе сверхдержавы, а через некоторое время возглавила борьбу с «империалистической экспансией» став лидером социалистического лагеря [10, С. 44–46]. Данное обстоятельство оказывало заметное воздействие на общественно-политическую жизнь, подчиняя ее необходимости соответствия роли эталона (для стран соцлагеря) и альтернативы политике Запада. Вместе с тем переход к мирной жизни актуализировал вопрос стабилизации политического режима. Важным фактором, влияющим на внутривнутриполитическую стабильность, являлось наличие большого количества граждан, получивших во время войны возможность самостоятельного сопоставления жизненных реалий двух систем. В сложившейся ситуации процесс демобилизации советских воинов, занявший три года, был сопряжен с задачей демонстрации превосходства советского строя. «В от-

личии от других стран, в СССР все демобилизованные обеспечиваются работой, пользуются всесторонней помощью и поддержкой» – так звучали типичные обращения советской периодики к возвращавшимся на родину защитникам отечества [11].

В то же время среди многоликой армии фронтовиков в особой помощи нуждались люди, утратившие свое здоровье. Как отмечает известный исследователь Б. Фицелер: «Инвалиды войны с трудом вписывались в лучезарную картинку военного триумфа, поскольку наряду с миллионами погибших они слишком очевидно «лицетворяли» ту ужасную цену, которую советскому народу пришлось заплатить за победу» [13, С. 579]. Тем не менее, вопрос государственной поддержки инвалидов Великой Отечественной войны имел важное социальное и идеологическое значение. Так, 9 мая 1945 г. в своем выступлении в связи с капитуляцией Германии, озвученном в эфире ведущих радиостанций США, нарком иностранных

дел СССР В.М. Молотов подчеркивал: «В этот день наши мысли устремлены к тем, кто своим героизмом и своим оружием обеспечил победу над нашим врагом, над смертельным врагом Объединенных наций... Мы честно выполним наши великие обязанности перед инвалидами войны, перед осиротевшими семьями» [14]. Спустя две недели после окончания войны через передовую статью в «Правде» советскому обществу был послан четкий сигнал о важности проявления всенародной заботы по отношению к инвалидам Великой Отечественной войны. «Никто из людей, рисковавших жизнью, пострадавших здоровьем на войне, не должен хотя бы на минуту почувствовать себя никому не нужным и ни на что не пригодным калекой. – подчеркивалось в статье. – Забота об инвалидах войны, о семьях погибших защитников Родины – важнейшее государственное дело... заботой, вдохновляющий пример которой каждодневно показывает великий вождь нашего народа товарищ Сталин, должна быть проникнута деятельность всех партийных, советских, профсоюзных, хозяйственных организаций» [15]. Впрочем, реалии с которыми пришлось столкнуться многим инвалидам войны, оказались весьма суровыми.

Как отмечают современные исследователи, ввиду различных причин, и прежде всего отсутствия «точных статистических данных», определение точного количества инвалидов войны в пределах Северной Осетии представляется весьма затруднительным [18, С. 222–223]. Однако некоторые сведения все же позволяют сформировать представление хотя бы о минимальных показателях. Например, к концу 1945 г. на учете в Северо-Осетинской АССР состояло 3 988 инвалидов Великой Отечественной войны [20, С. 93]. А в декабре 1946 г. их число увеличилось до 5 886 человек [1, Л. 64].

Одним из важных направлений социальной политики государства в отношении инвалидов войны являлась материальная помощь. Материальное обеспечение предусматривало как снабжение различными промтоварами, так и предоставление питания. С этой целью создавались специальные магазины и столовые закрытого типа. Например, к январю 1945 г. в г. Дзауджикау функционировало два спецмагазина и одна столовая, в отдельных районах отоваривание продовольственных и промышленных карточек для инвалидов войны осуществлялось в специальных ларьках [12, С. 494]. Основная часть данной работы осуществлялась через структуры Северо-Осетинского республиканского союза потребительских обществ (Севоспотребсоюза) и Северо-Осетинского республиканского торгового при министерстве торговли СО-АССР (Севосторга).

Данные организации аккумулировали значительные средства, что создавало условия для не менее значительных хищений. «Только за 1947 год по линии потребительской кооперации, кооперации инвалидов и

промкооперации преступниками, проникнувшими в эту систему, разворовано 1 млн. 900 тыс. рублей. – информировал в марте 1948 г. делегатов V партконференции Дзауджикауского горкома ВКП(б) министр госбезопасности республики М.И. Калининский. – В результате массовых растрат и хищений ряд торгующих точек системы «Севосоюза» обанкротились и не могут население обеспечить товарами первой необходимости, чем вызывают справедливое возмущение и искусственное недовольство трудящихся» [8, Л. 79]. Конечно, отсутствие необходимых товаров оказывало непосредственное влияние на уровень жизни, от чего во многом зависели настроения инвалидов войны. Впрочем, для широкой общественности проблема нехватки товаров могла быть объяснена последствиями послевоенной разрухи. Куда более опасным, прежде всего в политическом плане, являлось недовольство, вызываемое откровенной несправедливостью.

Пытаясь бороться с несправедливым отношением, нередко приобретавшим формы откровенного равнодушия, инвалиды обращались к единственному действенному средству – жалобам. К примеру, авторами 46,5% жалоб, поступивших в министерство социального обеспечения республики к 1948 г., стали именно инвалиды Великой Отечественной войны [21, Л. 114]. Помимо жалоб, направляемых в органы власти, довольно распространенным способом огласки имевшихся проблем являлись письма в редакции центральных и местных газет. Разумеется, из множества критических писем на страницы периодики попадали единицы. Однако в данном случае был важен сам факт наличия обращения. Информация, изложенная в таких письмах, особенно в случаях с редакциями центральных газет, становилась поводом для тщательной проверки. В значительной степени подобная практика обуславливалась характером идеологических посылов о всенародной заботе, транслируемых в партийно-советской печати.

Ярким примером такого обращения стала неопубликованная статья о деятельности директора Севосторга, направленная в редакцию «Правды» 20 мая 1945 г. Так, в письме за авторством «Маленького крокодильчика» (вероятно, статья предназначалась для публикации во входившем в издание «Правды» сатирическом журнале «Крокодил») сообщалось следующее: «Сегодня Джанаев [директор Севосторга – М.А.] устраивает банкет Победы, но на этом банкете будут отсутствовать вероятно инвалиды Отечественной войны. Джанаев их не любит... Джанаев так и не выполнил указание товарища Сталина об улучшении питания в столовой № 4 – инвалидов Отечественной войны. Об этом писалось в «Правду». Но себя не забывает Джанаев. Он и его жена очень хорошо сами себя снабжают, всем чем только могут... В доме у Джанаева – бархатные ковры застилают все комнаты. Это хорошо, когда это добыто честным и благородным трудом, а

не хапанием. В большом почете у Джанаева воры и жулики. Ой, крокодил, как бы ты посадил на свои вилы их. Ой, как было бы смешно. Здорово, здоровым бы смехом посмеялись инвалиды Отечественной войны... Агамиров [зав. магазином № 74 – М.А.] вор и жулик у него все магазины обкрадывают. Жулик и ворюга жуткий. Агамиров ловко устроился у Джанаева и говорит: «Я ничего не боюсь, мой первый друг Джанаев» ... Сегодня банкет. Хорошо, радостно на душе, когда на банкете будут праздновать Победу, поднимать тост за родного Сталина, но грустно от мысли, что эти люди не наши, неразоблаченные сидят все еще у аппарата командирами. Давно бы их надо заменить инвалидами Отечественной войны, людьми честными и благородными [9, Л. 309–310].

5 июня 1945 г. отдел писем газеты «Правда» направил данные материалы в Дзауджикауский горком ВКП(б) с просьбой сообщить о принятых мерах [9, Л. 308]. В ходе проведенной горкомом проверки было установлено, что «кадры в Севосторге засорены людьми, не внушающими доверия» [9, Л. 305]. Подтвердились проблемы и с питанием в столовой: «... в первом полугодии 1945 г. состав и качество пищи в большинстве столовых Севосторга было неудовлетворительное. Меню однообразное, что зависело от поступления продуктов... в столовую инвалидов Отечественной войны № 4 поступали заменители мяса – яичный порошок, творог тощий, консервы – фасоль с маслом и частично мясные субпродукты» [9, Л. 306]. Отвечая на запрос «Правды» второй секретарь Дзауджикауского горкома партии М.И. Текиев заключил: «...факты, изложенные в этой статье в основном, подтвердились... По всем этим вопросам горком ВКП(б) дал соответствующие указания директору Северо-Осетинского торгового т. Джанаеву» [9, Л. 302]. Вместе с тем в своем ответе Текиев остановился лишь на кадровых вопросах. Об информации, относящейся к деятельности самого директора Севосторга, не сказано ни слова.

Помимо снабжения продовольствием и промтоварами, важным инструментом в арсенале государственной политики социального обеспечения инвалидов войны являлись пенсии. «Исключительно большое внимание советское государство уделяет инвалидам войны. Все они обеспечены государственной пенсией» – передавала жителям Садонского района слова зам. наркома социального обеспечения РСФСР И.В. Падежнова газета «Сталинон Дзырд» [16]. Согласно отчету Северо-Осетинского обкома ВКП(б) только в 1946 г. на выплату пенсий для данной категории граждан было выделено 11 675 033 рубля [1, Л. 64]. Правда, столь масштабные цифры, отражаемые на страницах годовых отчетов, формировались из тысяч скромных сумм, которыми инвалиды войны располагали в действительности. Так, по данным министерства социального обеспечения республики на 1 января 1948 г. средний размер пенсии составлял 194 рубля [20, С. 93]. Кроме того, в самой системе социаль-

ного обеспечения наблюдались серьезные «недочеты и злоупотребления». «При проверке личных дел обнаружено их недооформление, установлены факты переплат и недоплат пособий и пенсий. – отмечалось в отчете Отдела по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при Совнаркомом Северо-Осетинской АССР по результатам проверок проведенных в Курпском районе за 1945 г. – Заседания комиссии по назначению пособий и пенсий нерегулярны... На день последней ревизии не было списка остро нуждающихся семей. Спущенные фонды распределялись без учета нуждаемости» [2, Л. 52]. Аналогичные факты имели место в Моздокском, Коста-Хетагуровском, Кировском и Дигорском районах [2, Л. 51–52, 52 об.]. Иными словами, весьма скромный размер пенсий и бюрократические препоны на пути их получения изначально настраивали инвалидов Великой Отечественной войны на поиск работы. Более того, для людей, имевших III группу инвалидности, трудоустройство являлось обязательством, от которого зависели выплата пенсий и получение льгот [20, С. 93–94].

Между тем вопрос трудоустройства инвалидов представлял собой не меньшую проблему. «Я, инвалид Отечественной войны II группы, проживаю в пос. Мизур, и вот уже в течение 3-х месяцев не могу устроиться на работу. – писал в редакцию газеты «Сталинон Дзырд» А. Кайтуков. – Обращался я в отдел кадров Садонского рудоуправления, но мне сказали, что кроме физической работы у них нет другой подходящей для меня работы. Обращался и в другие организации, но нигде не мог устроиться. Тогда я обратился в районный отдел гособеспечения, с просьбой устроить меня на работу. Мне ответили, что у них есть место старшего инспектора, но на эту должность мы хотим иметь молодую барышню. С таким ответом вышел я от них» [17].

Стоит отметить, что неблагоприятное положение в сфере трудовой занятости сложилось еще военные годы. Выявленные недостатки стали поводом для личного обращения председателя Президиума Всесоюзного союза кооперации инвалидов (Всекоопинсоюза) П. Провоторова к первому секретарю Северо-Осетинского обкома ВКП(б) К.Д. Кулову. В письме Провоторова, датированном 15 августа 1944 г., сообщалось следующее: «Трудоустройство инвалидов Отечественной войны в кооперации инвалидов Вашей республики находится на крайне низком уровне. По состоянию на 1 июля в артели кооперации инвалидов республики вовлечено лишь 130 инвалидов отечественной войны. Со стороны Президиума Всекоопинсоюза имеется достаточно директив и указаний о максимальном развитии этой работы. Тем не мене, как уже выше сказано, с трудоустройством по Вашей республике дело обстоит очень плохо... Какое имеют значение трудоустройство и обучение инвалидов Отечественной войны – Вам хорошо известно. Поэтому прошу Вас уделить особое внимание работе коопинсоу-

за... Считал бы крайне необходимым, чтобы бюро обкома ВКП(б) в ближайшее время специально рассмотрело вопрос о трудоустройстве инвалидов Отечественной войны» [3, Л. 77].

Впрочем, спустя пять месяцев, в отличии от Проторова, в отчете о трудовом устройстве и бытовом обслуживании инвалидов нарком социального обеспечения республики Т.А. Худалов преподносил факт трудоустройства 130 инвалидов войны в системе Коопсоюза как одно из достижений «массово-разъяснительной работы» [12, С. 493]. В то же время, к сентябрю 1945 г. 43,4% инвалидов II группы оставались безработными [4, Л. 92]. Конечно, во многом вопрос трудоустройства зависел от состояния здоровья того или иного человека. Например, II группа инвалидности подразумевала потерю способности к профессиональному труду [19, С. 74]. Однако в условиях отсутствия дополнительного заработка перспектива нищенства становилась более чем реальной.

Но даже трудоустройство не гарантировало стабильности и тем более защиты от произвола. «Являясь инвалидом 2-й группы я получаю пенсию, но не желая быть балластом в годы восстановления и развития нашего народного хозяйства, я работаю в должности ст. инспектора отдела кадров Управления строительно-восстановительных работ Орджоникидзевской ж/д получая зарплату 1000 руб. в м-ц. – писал 6 сентября 1947 г. в секретариат ЦК ВКП(б) член партии И.И. Беляев. – До сентября м-ца с/г. секретарь парторганизации брал с меня партвзносы из расчета моего заработка, а с сентября месяца предложил платить и из пенсии мотивируя это тем, что пенсия является тоже своего рода заработком. Если это действительно так и я обязан из своей пенсии платить членские взносы, то обязан ли тот же секретарь платить членские взносы из сумм, выручаемых им от продажи картофеля, собираемого из своего огорода? Выручаемые им суммы от продажи картофеля выражаются в 15–20 тысяч рублей в год, которые действительно являются прямым заработком, моя же пенсия фактически мною расходуется на лечение, что и дает мне возможность трудиться, тем самым быть полезным нашему социалистическому обществу» [5, Л. 124].

В некоторых случаях членство в партии могло стать важным аргументом при отстаивании своих прав. Так, из секретариата ЦК ВКП(б) заявление упомянутого Беляева попало на рассмотрение к первому секретарю Северо-Осетинского обкома К.Д. Кулову, давшему соответствующие указания [5, Л. 123]. Вместе с тем партийность инвалида и вмешательство высшего руководства также не являлись гарантией успеха. Примером тому может служить история из жизни инвалида войны, несостоявшегося секретаря парторганизации колхоза «Галиат» Махчешского района М.С. Байсонгурова. Написанное им в июле 1947 г. письмо стало предметом рассмотрения

Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и послужило поводом к принятию специального постановления бюро Северо-Осетинского обкома. «С 1937 г. находился в РККА по 1944 г., звание старший лейтенант. – писал о себе Байсонгуров. – Был в последнее время командиром танковой роты. В 1944 г. демобилизовался по ранению. С 1-го января 1945 г. был назначен партторгом колхоза «Галиат» Махчешского района СОАССР. Проработал до ноября 1945 г. потом решением Махчешского РК ВКП(б) меня командировали в партшколу при Сев[еро]-Ос[етинском] обкоме ВКП(б) в гор. Дзауджикау, где проучился 4 месяца, потом заболел и выбыл из школы по болезни. До февраля 1947 г. нигде не работал. В феврале 1947 г. во время выборов п/организацию к[олхо]за «Галиат» при тайном голосовании избрали меня секретарем п/парторганизации, где присутствовал пред[ставитель] РК ВКП(б) тов. Гокоев М.А. Бюро райкома партии утвердило решение первичной п/орг[анизации], но первый секретарь Махчешского РК ВКП(б) т. Гетоев К. в это время был в гор. Дзауджикау на семинаре. Узнав это положение тов. Гокоев Б.А. – старый секретарь п/парторган[изации] выехал к нему, т. е. Гетоеву, чтобы с ним договорились. Факт то, что хотя Гетоев приехал, грубо нарушая устав партии и внутрипартийную демократию, снова поставил вопрос на бюро райкома и решил снова сделать выборы в п/парторг[анизацию] к[олхо]за «Галиат». В день выборов 6 марта 1947 г. РК ВКП(б) прислал своего представителя третьего секретаря РК т. Хабиева Е. При тайном голосовании опять оказалось за меня 3 – за, 1 – против и за старого секретаря Гокоева Б.А. 1 – за, 3 – против... Но секретарь райкома т. Гетоев очень грубо нарушая партийную демократию, настоял на том, чтобы старый секретарь парторг[анизации] остался на месте, который и сейчас работает, мотивируя, что якобы я человек больной... если я инвалид Отечественной войны 2 группы и желаю работать среди передовых советских людей, то почему секретарь Махчешского РК ВКП(б) хочет похоронить меня заживо? Я знаю факты, что старый парторг, который и ныне работает Гокоев Б.А. за счет к[олхо]за «Галиат» оказывал материальную помощь секретарю РК ВКП(б) т. Гетоеву. Вот почему он и его поддерживает» [5, Л. 145–146 об.].

Для проведения проверки 31 июля 1947 г. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) направила материалы дела Байсонгурова в Северо-Осетинский обком, указав при этом на необходимость информирования комиссии о результатах [5, Л. 143]. Спустя два месяца, ввиду отсутствия ответа, Северо-Осетинский обком получил повторный запрос [5, Л. 144]. Дело Байсонгурова было рассмотрено 9 октября 1947 г. на заседании бюро обкома. В ходе заседания было установлено, что выборы в парторганизации колхоза «Галиат» проходили с серьезными нарушениями инструкции ЦК ВКП(б) «О проведении выборов руководящих парторганов». В результате чего «в течение 6 месяцев 1947 года секретарем

парторганизации колхоза «Галиат» работал тов. Гокоев, который не был избран в соответствии с инструкцией ЦК ВКП(б)» [6, Л. 78]. Тем не менее, на состоявшихся в соответствии с указанием обкома уже четвертых по счету выборах секретарем все же «избрали» Гокоева. В качестве объяснения причины отказа в утверждении Байсонгурова бюро обкома сослалось на мнение Махчесского райкома о неспособности Байсонгурова «обеспечить этого участка работы» из-за болезни туберкулезом [6, Л. 77]. 15 октября 1947 г. выписка из протокола заседания бюро обкома «О фактах нарушения партийной демократии Махчесского райкома ВКП(б) при выборах секретаря парторганизации колхоза «Галиат» была направлена в КПК при ЦК партии [5, Л. 149]. А оставшийся не у дел инвалид войны Байсонгуров получил от обкома телеграмму о том, что «секретарю Махчесского РК ВКП(б) тов. Гетоеву решением бюро Севособкома ВКП(б) от 9/Х-1947 г. указано» [5, Л. 142].

Реалии послевоенной жизни не оставляли в сознании инвалидов Великой Отечественной войны места для каких-либо иллюзий. Именно в таких жизненных ситуациях перед ними представала настоящая, а не «парадная» действительность. Впрочем, проблемы снабжения, скромные пенсии, чиновничье безразличие или же потеря работы при условии сохранения трудоспособности, создавая инвалидам войны огромные жизненные трудности, вместе с тем не лишали их возможности определения своей судьбы. В этом отношении куда более печальным представлялось будущее инвалидов, неспособных в силу своего физического состояния, а также одиночества самостоятельно решать свои материально-бытовые проблемы. Как правило, они помещались в специальные интернаты. Плачевное состояние подобных заведений нередко становилось предметом обсуждения на различных заседаниях. Одним из таких стало заседание Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР, состоявшееся 13 июня 1945 г. Оценивая состояние интерната инвалидов войны народного комиссариата социального обеспечения Северо-Осетинской АССР как «совершенно неудовлетворительное», члены Президиума констатировали следующее: «В интернате ощущается острый недостаток жесткого и мягкого инвентаря. В вещевом складе и кладовой для хранения продуктов питания нет оборудования, наблюдается антисанитария. Обслуживающий персонал столовой/кухни и кладовой не имеет халатов. Кухонного инвентаря недостаточно, из столовой посуды в наличии имеются лишь глиняные ми-

ски, плохо налажено медицинское обслуживание инвалидов. До настоящего времени не оборудован изолятор, а поступающие в интернат инвалиды не подвергаются санобработке. Топливом интернат не обеспечен. Трудовое обучение инвалидов в интернате не обеспечивается должным руководством со стороны Севоскоопинсоюза. Снабжением мастерских сырьем, инструментом и другими материалами Севоскоопинсоюз не занимается» [22, Л. 67].

Тем не менее, несмотря на все сложности, переход к мирной жизни так или иначе способствовал интеграции инвалидов в послевоенное общество. Для одних, как это было показано выше, процесс адаптации стал тяжелым испытанием. Однако были и те, кто прошел данный путь менее болезненно. Отдельные предприятия республики предоставляли возможность не только вернуться на прежнее место работы, но и занять более высокие позиции. Так, например, сложилась судьба портного швейной фабрики Костина, ставшего впоследствии начальником цеха [12, С. 501]. Кому-то удавалось войти в номенклатуру обкома, что также открывало карьерные перспективы. К слову, в 1945 - начале 1946 г. из 408 выдвинутых обкомом на руководящую партийную, советскую, и хозяйственную работу людей, 144 выдвижения приходилось на демобилизованных и инвалидов Великой Отечественной войны [7, Л. 71].

Подводя итоги, можно сказать, что адаптация инвалидов Великой Отечественной войны к условиям послевоенного мира представляет собой сложное и противоречивое явление. С первых послевоенных дней данный процесс приобрел политический контекст. Забота об инвалидах объявлялась важнейшим государственным делом, а сфера материально-бытового обеспечения становилась одной из площадок для демонстрации преимуществ советского строя. Однако использование мер социальной поддержки в агитационно-пропагандистских целях невольно проявляло несоответствие между многочисленными обещаниями и их реальным исполнением. Окруженные вниманием пропаганды инвалиды войны рано или поздно сталкивались с суровыми реалиями послевоенной действительности. В то же время, при всех трудностях, возникавших на местах, сам характер идеологических посылов настраивал партийно-государственный аппарат на необходимость максимальной социализации бывших фронтовиков. В связи с чем для определенной части инвалидов Великой Отечественной войны процесс адаптации прошел весьма успешно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания (далее – ГАНИ РСО-А) Ф.1. Оп.5. Д.38 (а)
2. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.4. Д.840

3. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.4. Д.836
4. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.4. Д.676
5. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.5. Д.340
6. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.5. Д.298
7. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.5. Д.1
8. ГАНИ РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.379
9. ГАНИ РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.274
10. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. – М.: Концептуал, 2021. – 384 с.
11. Колхозный Путь. 1947. № 6 (66)
12. Население Северной Осетии в советских послевоенных реалиях 1945–1953 гг.: иллюзии и повседневные практики: Сборник документов / Составители: С.А. Хубулова, Э.В. Хубулова. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. – 624 с.
13. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 784 с.
14. Правда. 1945. № 111 (9882)
15. Правда. 1945. № 122 (9893)
16. Сталинон Дзырд. 1946. № 4 (867)
17. Сталинон Дзырд. 1946. № 21 (884)
18. Хабдиева Л.Ч., Сосранова З.В. Государственная политика в области социального обеспечения инвалидов войны в годы Великой Отечественной войны (на примере Владикавказа) // Научный диалог. 2018. № 3. С. 221–232.
19. Хаяров Д.Г. Инвалиды Отечественной войны в первые мирные годы. (исторический аспект) // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2005. Т. 7. С. 71–74.
20. Хубулова С.А. Комбатанты Великой Отечественной войны Северной Осетии в условиях "позднего сталинизма" // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 1(30). С. 90–97.
21. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А) Ф.Р.639. Оп.1. Д.661
22. ЦГА РСО-А. Ф.Р.639. Оп.1. Д.570

© Айляров Марат Аланович (maratailyrov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»